Дорога в Самарканд

Мы с удовольствием читаем тексты Татьяны Вавиловой в фэйсбуке. Некоторые материалы с согласия автора размещаем на SREDA.UZ. Вот и этот материал из фэйсбука предлагаем вниманию читателей. Небольшое путешествие из Ташкента в Самарканд – это и память об освоении Голодной степи, и поминание предков, и свежие дорожные впечатления.

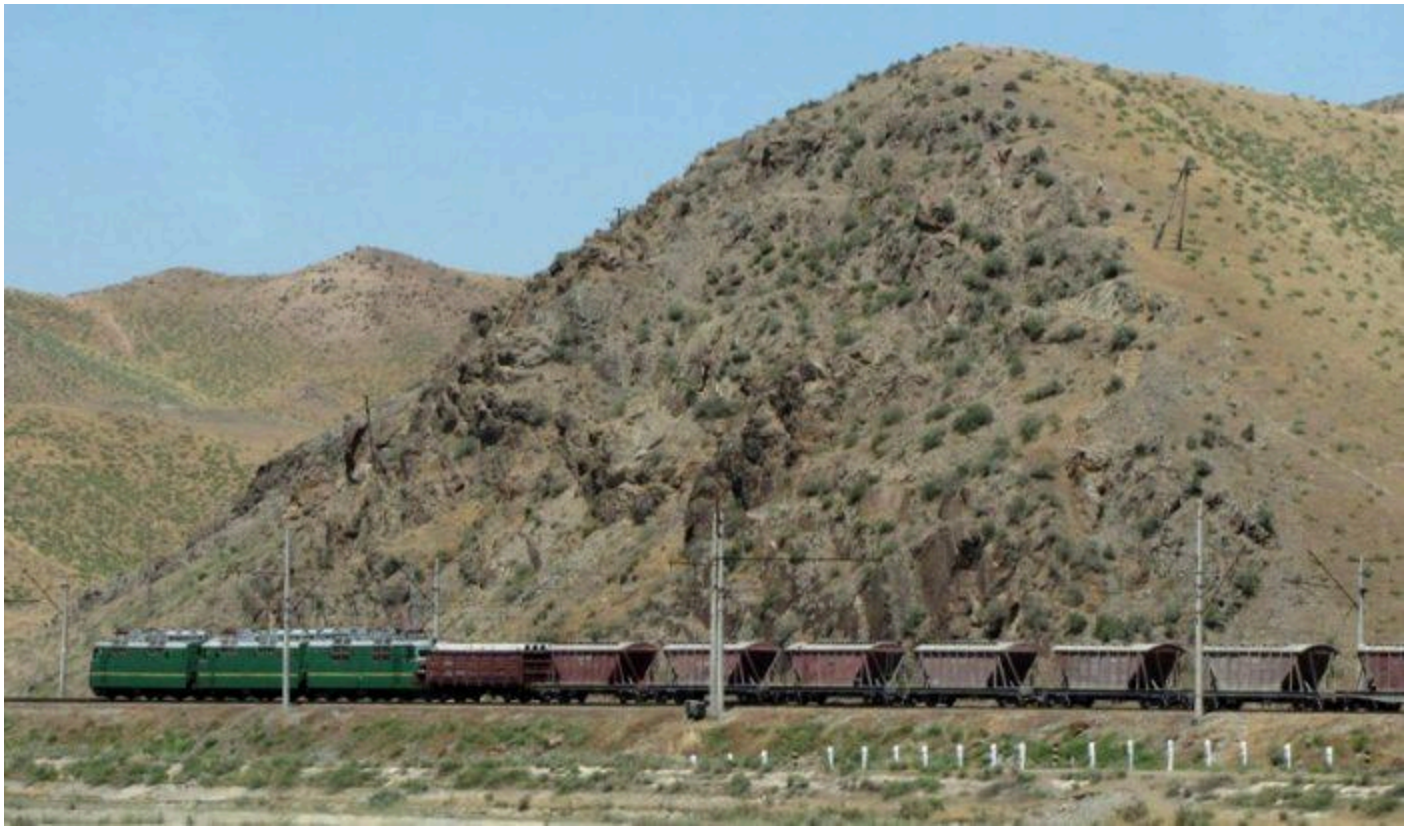

Дочь мелиоратора, я с пеленок слышала рассказы о Голодной степи, а когда немного подросла стала ездить с отцом на опытные станции. В пятидесятые годы прошлого века помню плоское безжизненное пространство до самого горизонта, горячую, разделенную глубокими трещинами на белые, соленые многоугольники землю и тёплую, густую, глиняную воду в коллекторах. Станция – это маленькая кибитка в степи, чисто выбеленная гашеной известью. Высокое крыльцо, кирпичная плита, которую зимой топили углем, чай в граненых стаканах и приветливая стряпуха – вот всё, что осталось в памяти.

Каждую весну папа брился наголо, наряжался в белую полотняную рубаху, перекидывал через плечо тонкий ремешок, на котором висела полевая сумка — планшет с множеством отделений и кармашков, к брючному ремню пристёгивал военную фляжку для воды и до осени отправлялся в Голодную степь на полевые работы. Темой его научных изысканий был вертикальный дренаж для обессоливания земель. В начале 2000-х директор САНИИРИ (Среднеазиатского НИИ ирригации) говорил мне, что ирригаторы используют для своих работ формулу Вавилова, то есть ту, что тогда вывел папа. Я нашла её в интернете, но, увы, оценить не смогла. Посмотрела, как на картинку, и только.

Вспомнила всё это я на днях, когда друг внука мчал нас через Голодную степь в Самарканд. Чтобы отвлечься от непонятных мне современных ритмов, без которых для молодых немыслимо само существование, я глядела в окно, стремясь уловить изменения.

Множество раз я ездила по этой дороге не только в детстве. По ней нас, студентов, ежегодно возили на хлопок, а получив распределение после института в Сырдарьинскую область, на все выходные и праздники я старалась попасть домой, в Ташкент. Да и в последние годы часто бываю в Самарканде, посещаю могилы предков.

Первое, что бросилось в глаза, — почти не встречались хлопковые поля. Поразительно! Еще в дореволюционные годы, когда Великий князь Николай Константинович строил канал и вдоль него селились первые переселенцы из России, на орошенных землях высевали хлопчатник. И в советские годы мы гордились белым золотом, и в совсем недавние времена хлопок был основной культурой.

Сегодня на бывших хлопковых полях поднимаются фруктовые сады. Фантастика! Раньше такое можно было увидеть, лишь проезжая Алмазар. Теперь совсем маленькие и уже подросшие деревца проплывали вдоль дороги и сразу за Ташкентом, и перед Самаркандом. А ещё наблюдала виноградники, зерновые, какие-то красивейшие желтые плантации, так и не знаю чего.

Людей не видно, наверное, жарко среди дня. Мы, в бытность студентами, на прополке того же хлопка днем в поле не выходили, работали рано утром и вечером. Однако одну интересную картинку заметила. В поле тянет борону ишак! Вот уж не думала, что такое упрямое животное можно впрягать в плуг! Или рассказы об ослином характере недостоверны?

Лет десять назад за Джизаком я видела вдоль дороги почти первозданную Голодную степь.

На память тогда пришли строки из воспоминаний Вощинина:
«Представьте себе, прежде всего, жару в 47 градусов (по Реомюру) при абсолютнейшем штиле; затем, как я уже говорил, безграничную серую глину, гладкую, как асфальт, и ровную всюду, как скатерть. Наконец — 40-сильную «шайтан-арбу» («чертову повозку»), бешено мчащуюся по этой равнине почти без всяких дорог, напрямки, со скоростью «минута-верста», — и вы можете, при известном воображении, считать себя прокатившимися по Голодной степи. (В.П.Вощинин. Очерки нового Туркестана: Свет и тени русской колонизации. — Санкт-Петербург, 1914).

Ныне «шайтан-арба» несла меня мимо садов и это приятно удивило. Правда, верхняя, новая дорога из Джизака в Самарканд и далее в Термез, пустынна и знойна. Пробили её сквозь скалы почти над Тамерлановыми воротами, создав еще одни, не мистические, а рукотворные.

Мне очень хотелось проехать нижней дорогой, посмотреть, как раскрываются ворота Тамерлана, но нужно было спешить, новая трасса короче. И тут нас ждала «засада», а может быть, мы вызвали недовольство духов Змеиного ущелья, не пожелав поклониться древним письменам на его скалах, и они наказали нас? Не знаю, но гладкая лента асфальта оборвалась, машина заскрежетала, подскакивая в облаке пыли по острому гравию. Дорога ремонтировалась, а предупреждение об этом вывесить не удосужились.

Кроме фруктовых садов, поднимали настроение длинные ряды новеньких одноэтажных домиков в три-четыре окна. Правда, они слишком уж одинаковые, и дворы для сельских жителей маловаты, но декоративны и разнообразят вид из окна машины.

Восхищение вызвали аисты. Так много, почти на каждом столбе, да еще по 2-3 гнезда, раньше не наблюдала. Птицы настолько прекрасны, величественны и неподвижны на фоне синевы, что сомневаешься, не изваяние ли это. Но нет, летит в высоте ещё один, завис над гнездом и медленно опустился рядом с семейством.

Не увидев Тамерлановых ворот, хочу посмотреть хоть на древний распределитель воды на Зеравшане. Нужно сказать, что Сырдарья и Санзар, как и многочисленные каналы и коллекторы, полноводны, чего не скажешь о реке Зеравшан. Совсем обмелела. Но распределитель я не пропустила. Жив!

В Самарканде мы пробыли не более четырех часов. Пообедали в чайхане. Заказали знаменитый шашлык рулетиками. Очень вкусно, вежливые ребята обслуживают. Самаркандцы на редкость приветливы, улыбчивы, дружелюбны.

Главная цель нашей поездки — старое русское православное кладбище. Раньше его называли Солдатским, теперь Братским. Там покоятся два моих прадеда с прабабушками, братья и сестры деда и их дети. Приведя в порядок могилы, проехали по русскому

Самарканду.

Остановились у моего любимого дома с якорями и, конечно, подошли к резиденции военных губернаторов, где жили прадед и моя бабушка с 1899 по 1905 годы. Показала внуку водяные кипарисы, высаженные генералом Абрамовым в 1879 году. Они росли на пруду в губернаторском саду и помнят моих родных.

Самарканд остается в укор Ташкенту уютным и зеленым.

На улицах-аллеях сохранились старые одноэтажные дома европейской постройки. Едешь — и полное впечатление, что ты в милом сердцу старом Ташкенте.

Для осмотра архитектурных памятников Самарканда надо приезжать специально.

На обратном пути любовалась лесополосой вдоль дороги за Самаркандом. Деревья не слишком высоки, но раскидисты и стоят в несколько тесных рядов. Совсем как встарь, когда по приказу военного губернатора Самарканда вдоль почтовой дороги на Ташкент высадили тысячи саженцев разных пород.

«Грунтовая дорога, — писал Марков, — обсаживается во многих местах деревьями, и все почти новых пород, неизвестных прежде Туркестану: айлантом, китайским клёном, гледичией, белою акацией, чуть ли не из обширных питомников Мервского Государева имения в Байрам-Али. Обсадка дорог — уже русское нововведение, и я нахожу, что ничем нельзя лучше цивилизовать и оживить знойные равнины Туркестана, как деревом и водою».

Обратная дорога несколько осложнилась проверкой моего внука на одном из многочисленных блок-постов, но закончилась она довольно быстро и благополучно. Влад сам виноват — нечего отращивать бороду в азиатской стране. Хорошо ещё не побрил голову, тогда бы ни православный крест на груди, ни студенческий билет МГУ не спасли бы от подозрений. В Ташкент въезжали в сумерки. Мой взгляд скользнул по пустующему возвышению на развилке дорог, где ещё недавно стояла сосланная семья ташкентского героя-кузнеца. Памятнику нашли другую площадку. На новом месте — лучше и достойнее.

Татьяна ВАВИЛОВА

Фото Наталии ШУЛЕПИНОЙ

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

27.07.2017